

34P6

к41 к

КИНЕЕВ МАРАТ

ДОСТУЧАТЬСЯ
ДО
СЕРДЦА...

517630

СТИХОТВОРЕНИЯ

АЛМАТЫ, 1998

КИНЕЕВ МАРАТ

*ДОСТУЧАТЬСЯ
ДО
СЕРДЦА...*

Стихотворения

Алматы, 1998

Кинеев М. А.

К 41. Достучаться до сердца...: Стихотворения — Алматы, 1998, 72 с. — ISBN 9965-01-108-7.

К-41. Марат Кинеев — автор двух сборников стихов на русском и одного на русском и казахском языках. Родился в 1939 г. в с. Кеген Райымбекского района Алматинской области. Работал прицепщиком, сменным трактористом, зоотехником в колхозе, преподавателем в техникуме, институте, директором научно-исследовательского института, имеет ученую степень доктора сельскохозяйственных наук, более 120 опубликованных научных работ, в том числе 3 книги, является академиком Академии сельскохозяйственных наук Республики Казахстан. Тема стихов — любовь, морально-правственные проблемы современного общества.

Печатался в районных, городских, областных, республиканских газетах, журнале «Нива», альманахе «Литературное Приишимье». На его стихи написаны песни. Стихи звучали по республиканскому радио и телевидению.

В очередном сборнике «Достучаться до сердца...» собраны новые стихи о любви, современниках, тяжелом бремени рыночной экономики после развала Союза, написанные в последние годы.

517630

К 47020/0202-04
00(05)-98

ББК 84 Р7-5

ISBN 9965-01-108-7

© Кинеев М. А.,

 1998

ПИШУ О ЛЮБВИ...

СОН

Мне приснились олени быстрые,
И равнины заснеженно чистые...
Средь безмолвной, густой тишины,
Мы с возлюбленной были одни.

И послушны нам были олени,
Все бежали, летели без лени...
Уносилась бесследно вдаль,
Боль разлук. Моя печаль.

Чу! Очнулся. Исчезли олени,
Полумрак. Предрассветные тени...
Ах, как краток был сказочный сон,
Но надеждою я окрылен.

КТО ТАК ВЛЮБЛЕН...

Это на сказку похоже,
Иль фантастический сон...
Не осуждай прохожий,
Того, кто так влюблен.
Ворвалась негаданно в сердце,
Девчонка — беда, егоза...
Иль мне это только снятся,
Ее озорные глаза?
Мне день прожить не просто,
Без девы бедовой той...
Там, под заветной березкой,
Ждет встречи она со мной.
Будет пленительным вечер,
Волшебною будет ночь...
Нежно обняв за плечи,
Ее уведу я прочь.
От этих случайных взглядов
От уличной суеты...
Буду с девчонкой рядом,
Где зелень лугов, цветы.
Прохладой повеет с речки,
А значит грядет рассвет,
Я верю, заказаны встречи,
Нам с нею на много лет.
Не осуждай прохожий,
Того, кто так влюблен...
Все это на сказку похоже,
На фантастический сон.

Я ДУМАЛ...

Я думал, встречаем будем рады,
В краю берез, в краю озер,
Я полагал, что так и надо,
Мне убежать от синих гор.

Все так, как полагал сложилось,
Мне север был и мил, и сир,
В рабочем ритме сердце билось,
Я был рабом и был кумир.

Но вот опять на юг дорога,
В тот край, где я учился, рос,
Где отчий дом и жизнь от Бога,
Где прелесть юных вешних гроз.

Но почему мне грустно как-то,
Когда свободен от забот,
Как будто — это час заката,
Последний жизни поворот.

Ах, сердце, не ищи причины,
Я вспомнил встречу по весне,
Тот самый первый вечер синий,
Который часто снится мне.

НА РЕКЕ

Ты помнишь, это утро у реки,
Пленительное лето Баршатаса,
Как заливались праздно петухи,
Вдали струились воды Баканаса?

Мы долго шли по улицам пустынным,
Ждал впереди сквозной речной простор,
Я толковал о чем-то с видом умным,
Нетороплив был этот разговор.

Деревья, травы и вода, и камни
Предстали нам во всей своей красе,
Казалось, кто-то мудрый щедрой дланью,
Все расселил здесь на речной косе.

И верилось, что счастье наше близко,
Лишь протяни — и упадет в ладонь,
Игривые, серебряные искры,
Река несла на гребнях синих волн.

Светило солнце ласково, лукаво,
И свежий ветер неназойлив был,
Нам Баканас просторно — величаво,
Свои объятия во всю ширь раскрыл.

Баршатас — районный центр в Семипалатинской области.
Баканас — река в Семипалатинской области.

ЛЮБЛЮ

Люблю смотреть в твои глаза,
Лазурные, лучистые,
Но в донце их опять слеза,
Туманит очи чистые.

Зачем в глазах слезиночку
Всегда ты впрок хранишь,
Зачем, зачем грустиночку
Так глубоко таишь?

Зачем застыла льдиночка,
В задумчивых очах?
Моя любовь — былиночка,
Забудь незванный страх.

Отсутствие недолгое,
Прости, переживи,
Разлуки время волглос
Пройдет. Ты только жди.

Верь, солнышко приветное
Нас ждет. Пройдут дожди,
Любовь моя заветная,
Прошу, ты только жди.

Вернусь, заносы снежные,
И льдинки растоплю...
Моя былинка нежная,
Я так тебя люблю!

ПЛЕН ЛЮБВИ

Все прочь. К чему теперь слова?
Пусть не дописана глава,
Да, я сдаюсь. Любовь права...
Ах, как кружится голова.

Бери, любовь, меня в свой плен,
Во тьме ночи и в ясный день,
С тобой не страшен даже тлен,
Иду блажен под эту сень.

Обречь себя в кипень страстей,
В плен неожиданных гостей,
Обезуметь от сладости,
Одной отдаться радости.

Всю чопорность откинув прочь,
Желаниям своим помочь,
Слепую робость превозмочь,
Любви отдаться на всю ночь.

Напрасны все условности,
И нет двуликой робости,
И нет укора совести,
Намека нет на подлости.

Есть чистая, святая блажь,
Когда до капельки отдашь,
Любви пехитрый свой багаж,
За так отдашь, но не продашь.

Не будем ханжески судить,
Ведь никому не остудить
Сей жар... Умение любить —
Как в знойный полдень жажда пить.

ХОЧУ ЛЮБИТЬ

Хочу любить, хочу сгорать,
В костре безумной страсти,
Хочу единственную стать,
Тонуть в пучине ласки.

Хочу любить, желанной быть,
Пасть в омут прегрешения,
В твоих объятиях застыть,
В пылу изнеможения.

Во мгле ночи, в тумане грез,
Все ласки расточая,
Любви хочу до боли, слез,
В истоме утопая.

О, боль любви, как ты сладка,
Когда желанный рядом...
Коснись, как краешком платка,
Меня манящим взглядом.

Дай жажду утолить, молю,
Мой сокол ненаглядный,
Стыдливость напрочь отгону,
Безмолвно, безоглядно.

Хочу любить, желанной быть,
Впасть в омут прегрешения,
В твоих объятиях забыть,
Годов пустое тление.

ТЕБЕ Я ВЕРЮ, ТЫ ПРАВА

Да, ты права. Да, ты права,
Как придорожная трава,
Что слушала нас вечерами,
Когда вели мы разговоры,
Под теми синими горами.
Да, ты права. Да, ты права,
Как та зеленая трава,
Что укрывала нас от взоров,
Когда в тумане поцелуя,
Мы забывали об укорах.
Да, ты права. Да, ты права,
Как та душистая трава,
Что нам казалась мягче пуха,
И ты шептала мне слова,
Что были музыкой для слуха.

Неужто канули на нет,
Трава, слова и звездный свет?

Да, впереди разлуки дни,
Мы друг без друга. Мы — одни,
И нам надолго предстоит
Грызть одиночества гранит.
Но я, как прежде говорю,
Что верю в вешнюю зарю,
И утверждаю — Ты права,
Как та уснувшая трава,
Что по весне пойдёт вновь в рост,
Права, как свет далеких звезд,
Свидетелей волшебных грез,
Как те вершины синих гор,
Что свято вознеслись в простор —
Свидетели счастливых дней,
Когда пел песни соловей.

Я верю, не уйдут на нет,
Трава, слова и звездный свет!

ЕЩЕ НЕ НОЧЬ...

Как долго надо было ждать,
Чтобы тебя, тебя случайно встретить,
Видать, еще моя звезда,
На небесах не меркнет. Светит.

Видать, она всю мощь лучей,
Приберегла для лучшей доли,
Чтоб неприкаянный, ничей,
Познал тепло я доброй воли.

Чтоб понял я — Еще не вечер,
Еще не ночь. Пусть звездопад...
Не для меня пустые речи,
Не к месту отрешенный взгляд.

Подумать только, сколько верст,
Исхожено поврозь до встречи,
И столько пало с неба звезд,
Громада лет легла на плечи.

Явилась ты — взбодрился я,
И вновь надежда греет сердце...
Мне так нужна любовь твоя,
Чтоб оживиться, отогреться.

Пусть не весна сейчас, а осень,
Но ночь тепла и звезд полна...
Нас не спугнуть дождям и росам,
Дорога впереди одна.

Как долго надо было ждать,
Чтобы тебя когда-то встретить,
Благодарю, что есть звезда,
Которая мне ярко светит.

ПРОЙДУТ СНЕГА И ХОЛОДА

Зима
не хочет уступать
свои права,
И даже в марте,
Колючих ветров
злая рать
лютует,
Будто бы на старте.

И этот дух
морозный стыни
Ужель тебя
коснулся вдруг?
Твои слова
Горчей полыни
мне травят душу,
режут слух.

Неужто
блудные вьюга
тебя овеяли
прохладой,
И марта
поздние снега
легли на сердце
прочной гладью?

Твой взгляд
меня не так встречает,
Он отчужденней
с каждым днем,
И дом наш
полнится печалью,
Нам неуютно
столько в нем.

Чем оградить
тебя от хлада,

Каким тебя
согреть теплом?
Чтоб ты увидела —
Я рядом
и стылой ночью,
хмурым днем.

Не забывай,
тебе твержу я,
не унывай,
себе велю,
Придет пора
и лед растает
логично —
по календарю.

Природе
свойственны капризы:
весной — снега,
зимой — дожди,
Не долговечны
те сюрпризы,
Придет Весна,
Ты только жди.

НЕВЕЗЕНИЕ

Невольное ночное бдение,
Вокзала шум и толчея...
Вот незадача. Наваждение —
Ты уезжаешь от меня.

С тобой души моей частица,
Убудет в призрачную даль...
Мелькают в быстром ритме лица,
Окон холодная хрусталь.

Глаза твои полны печали,
Но о моих и речи нет...
Две параллели серой стали,
Неона бледный, мертвый свет.

Еще одним мы дышим воздухом,
Но вот гудок, как сердца крик...
Пришла разлука тяжким посохом,
И близок расставания миг.

Очнулся я, прозрел, увидел,
Пустые рельсы и перрон...
Желаний наших неликвиды,
Как проводов протяжный стон.

Да, мы с тобой, как рельсов стыки,
Просвет меж нами — боль разлук...
Теперь протянутые руки,
Разъединил колесный стук.

Под drobный стук на стыках рельсов,
В ночную темень ты глядишь...
А впереди рассвет белесый.
Совсем неблагоприятная тишь.

Отправлен поезд. Одноко
По сонным улицам бреду,
Разлуки знойное сирокко,
Жжет сердце на мою беду.

Кончается ночное бдение,
Сильнее шум и суета...
Мое со мною невезение,
И милый город Алма-Ата.

ПОВОНИ

Мой телефон уже давно молчит,
Жду не дождусь, когда ты позвонишь,
И в ясный день, и в темноте ночи,
Меня гнетет моей квартиры тишь.

Ужель, мой милый, ты забыл меня,
Или тебя дороги одолели?
Мне нет покоя. Я не знаю сна,
В душе метут тревожные метели.

Безвестность тяготит. Покоя нет,
Разлука горечью меня изводит,
И одиночеством укутано, как в плед
Все время, что бездарно так уходит.

Желанный мой, мольбу мою услышь,
Сгораю я и таю, как свеча,
Ты темень одиночества разрушь,
Как проблеском рассветного луча.

Хоть ты далек, нить проводов тонка,
Прошу, займи эфир на пять минут,
И трелью телефонного звонка,
Ты разорви немой квартиры жуть.

В РАЗЛУКЕ

День без тебя, как вечность длится,
Ну, о неделях — речи нет,
Мне ночью не сомкнуть ресницы,
Мой собеседник — лампы свет.
Роятся мысли торопливо,
Бумага, ручка на столе,
Умолк приемник говорливый,
И зимний лес застыл во мгле.
Вдали, в глуши забытой Богом,
В стихах излив свою печаль,
Я в этом домике убогом,
Одно желание загадал —
С тобой увидеться скорее,
И позабыть разлуки жуть,
Как парус на послушной рейс,
Давно готов пуститься в путь.

ДУШИ ПОРЫВЫ...

4—300

О ВЛЮБЧИВОСТИ ПОЭТА

Судят — влюбчивый, влюбчивый,
Да, правы вы почти...
Что же делать поэту,
Коли женщина лучшая,
Повстречалась в пути?

Каждый раз, словно, молнией,
Наповал я сражен,
(Будь зимой или летом)
Верю, волею Божией,
Красотой был пленен.

Нет среди женщин обиженных,
Юных дев, милых дам...
Никакого секрета ---
С ними чувственность нежную
Я делил пополам.

Каюсь, были оплошности,
И земные дела,
Но в награду за это:
Мне перо — для безбедности,
Да бумага бела.

Не судите же строго
За земные грехи...
Жизнь одна у поэта,
Вдохновение — от Бога,
А в наследство — стихи.

*

Я так люблю тебя, родной,
Единственный, желанный мой,
Не уходи, побудь со мной,
Мой остуди любовный зной.

*

А знаешь? Я тебя люблю,
И лишь тебя боготворю,
Ты мой призыв услышь, молю,
Верни мне вешнюю зарю.

*

Так сердцу хочется любви,
Большой и неумной,
Чтобы однажды пригубить,
И все на свете позабыть,
Наполнившись истомой.

*

Мой телефон молчит,
А я все жду звонка,
Возможно ль, милый мой,
Чтоб ты забыл меня?

*

Пусть друг от друга мы вдали,
Меж нами версты пролегли,
Но бремя тяжкое разлук,
Тревога, боль сердечных мук
Пройдут, как летние дожди,
Поверь, мой друг, и встречи жди.

*

Мне не забыть тех наших встреч,
Которые, как быстрый смерчь,
Подняли вдруг над суетой,
Над повседневной пустотой,

Меня мой милый, нежный друг,
Любовью озарив вокруг,
Все, что казалось пустяком,
Заполнив счастьем сирий дом.

*НЕ ПОЗНАТЬ
ЛЮБВИ ДОРОГИ*

О КРАСЕ ЗЕМНОЙ

Она вошла в троллейбус, как царица,
Величественно села у окна.
И я подумал — так бы ежедневно,
Она садилась около меня.

Хотелось любоваться безоглядно,
Ее лицом, сиянием чудных глаз...
В простом пальто, не вычурно парадном,
Она была красива без прикрас.

Мою нежность и мое волнение
Не передать. Но выход найден был...
Узрел в окно я дивное видение,
И перед ним оцепенел, застыл.

Я взглядывался трепетно и долго,
В то отражение холодного стекла,
И изучал детально, чуть убого,
Черты лица, что возродила мгла.

Из темноты предзимнего рассвета,
В ее глазах я уловил призыв,
И на меня пахнуло зноем лета,
Ручаюсь, был в том искренний порыв.

Но близился рассвет и мгла редела,
Черты ее окутывал туман...
Покинул я троллейбус. Звало дело...
Так завершился путевой роман.

Прошли года... Я е́зжу тем маршрутом,
В привычной толчее и суете,
И жарким днем, и ранним, свежим утром...
Попутчицы приятны... Но не те.

И каждый раз, когда сажусь в троллейбус,
Я чуда жду — Вот-вот она войдет...
Пусть мир велик. Земля кругла, как глобус...
Когда-то это всё ж произойдет.

Она войдёт с серьезным, умным мужем,
Или с приятным, видным молодым...
Мне будет грустно... Но ничуть не хуже,
Растает грусть, как сигаретный дым.

А в памяти случайная Богиня,
Восторг и трепет от красы земной,
Печали нет, а есть стихам причина,
Которые останутся со мной.

СТЮАРДЕССА

Хозяйка самолета,
Стремительна, стройна,
Ты — мисс Аэрофлота,
Меня лишила сна.

Улыбкой озарила,
Заполненный салон,
Какая в этом сила!
Я ею покорен.

Тебя все беспокоят,
По разным мелочам,
Энергию удвоя,
Порхаешь тут и там.

А я почти влюбился,
В тебя за этот миг,
И написать решился
Признательный мой стих.

Возьми мое послание,
Внимательно прочти,
Но знаю я заранее ---
Не быть с тобой на «ты».

Не сетую; не плачу,
Принимаю все как есть,
Симпатии не прячу,
Пока возможность есть.

Порхай, моя красотка,
Пока свежа, млада...
Ах, дивная походка,
Ах, юные года.

Хозяйка самолета,
Прощай, я прилетел,
Меня зовет работа,
И много новых дел.

ВЕСНЫ СВЯТАЯ БЛАГОДАТЬ

Опять весна. Снега сбежали,
Луга оделись в изумруд,
А ивы, полные печали,
Те наши встречи стерегут.

Стволы берез налились соком,
Кругом покой, благая тишь.
Вдали могучих сосен толпы,
Грустят, как ты теперь грустишь.

Сейчас под мощные их кроны,
За руки взявшись не пойдём...
Размолвок наших там кордоны,
Обид взаимных бурелом.

Приемлю молча все укоры,
Пусть будешь трижды неправа...
Как мелочны все наши ссоры,
Вблизи с величием естества.

Отрину напрочь нетерпение,
Чтоб мудрость древнюю понять...
Благие эти намерения,
Благословит природа-мать.

Тогда лишь только, как знамение,
Вернем мы прошлое опять,
Ведь дружбы новое рождение —
Весны святая благодать.

Присуще соснам постоянство,
Зимой, весной — один их цвет,
Вершины устремив в пространство,
Стоят они здесь сотни лет.

ПРАВО ЛЮБИТЬ

Все утряслось. Все желания сбылись,
Дни пролетели. Пора улетать.
То ли мне встречи эти приснились,
То ль снизошла на меня благодать.

Снег февраля, эта вязкая слякоть,
Все повторится и в будущий год,
Только привычная, долгая память,
Знать, сохранит той судьбы поворот.

Все повторится, но встреча благая
Не повторится и время уйдет,
Все повторится, пара другая,
Нами не пройденной тропкой пройдет.

Как же бесжалостен ход круговерти,
И как крепка нашей памяти нить,
Этим мы живы и может в ответе
За светлое в жизни. И право любить.

ПРОЗРЕНИЕ

Исчезла юная подруга...
Знать о потере не скорбит,
Ах, как старались мы друг друга,
Словами нежными прельстить.

Вновь ночь длинна, а вечерами,
Горит в квартире ровный свет...
Мое безумство рядом с вами,
Как будто кануло на нет.

Все завершилось тихо, гладко,
Нас развели, видать, грехи,
Но в ностальгическом припадке,
Об этом я пишу стихи.

И рифмы, как бальзам на раны,
Пришло спасение, исцеление,
Забыл я жесткие обманы,
Мне дорого мое прозрение...

ПРО РЫЖЕНЬКУЮ КАТЕНЬКУ

Вот беда. Пропал, пропал,
В переплет, вконец, попал,
Взял влюбился в Катеньку —
Рыженькую, сладеньку.
На свидание зову,
Как в лесу кричу — Ау,
Может отзовется вдруг,
Бросит всех своих подруг.
Обещала как-то мне,
Встречу в парке при луне,
Я туда спешу-лечу —
Видеть Катеньку хочу.
Что же делать, батеньки?
Нет там моей Катеньки,
На свидание не пришла,
Стороною обошла.
Кто поможет, кто поймет?
Сердце кто мое уймет?
Кто мне мудрый даст совет?
Ведь страдаю столько лет.
Что мне делать? Как мне быть?
Как скорей ее забыть?
Чтоб влюбиться в новую,
Не такую бедовую.

НАМ ПЕСНИ ВМЕСТЕ НЕ СЛОЖИТЬ...

Что песни вместе не сложить,
Я поздно понял почему-то,
Тому причиной, может быть,
Тобой посеянная смута.
Ты обходила стороной,
Меня волнующие темы,
Моих смятенных мыслей рои,
Казались для тебя проблемой.
И ты решилась разорвать
Все звенья, цепи наших связей...
Но как бы мне постичь, понять,
Всю желчь и яд последней фразы:
— Что в дружбу верят простаки,
Любовь же сказка для обмана,
Что, мол, в цене лишь кулаки,
И баксы без прикрас, тумана.
И был жесток твой взгляд прощальный,
Слова разили наповал,
Как журавлиный крик печальный,
Они вещали — кончен бал.
Ну что ж, не буду осуждать,
Чужие взгляды и пороки...
Жаль, не успел я подостлать
Для безопасности соломки.
Да, больно. Это признаю,
Но не повержен я. Лишь ранен,
Превозмогаю боль мою,
Рад, что душой не непогашен.
Что песни вместе не сложить,
Пусть поздно, все же я постиг...
Любви связующая нить,
Испепелилась в краткий миг.

НЕТ ВОЗВРАТА В СВЕТЛЫЕ ДАЛИ

Холодные ночи. Холодные росы,
Дождь и пороша. Речка дымит,
Время ушло. Твои пышные косы
Сняты. Мне это с пыткой сродни.

Что ж мы расстались? Как же случилось?
Каждый ушел по тропинке своей,
Жаркие встречи брошены в стылость,
Хоть замерзай, хоть совсем околея.

Время пройдет. Может вспомним, что было...
Все зарастет трын-травой и быльем...
В этом, наверное, вся моя сила,
Что я стихи напишу о былом,

Прожит этап. Ни о чем не жалею,
И не итожу ошибки любви,
Знаю, как водится, переболсю...
После, ты в светлую даль не зови.

Нет нам возврата в светлые дали,
Даже в волшебную летнюю ночь,
На полпути наши чувства увяли,
Нам никому и ничем не помочь.

Холодные ночи. Есть время для бдений,
Дождь и пороша. Скоро зима...
Сложные сети всех невезений,
Как пышные косы расплетешь ты сама.

РАЗНЫЕ РАЗНОСТИ

ЗОВ

Страна далекая,
в тумане,
Зовешь меня
в свои поля,
Рождая
детское желание —
измерить шагом
всю тебя.
Иль может
юности задорной
то пыл,
иль давняя мечта?
Но я хочу,
Хочу вернуться,
к тебе,
родимая Земля!

СТЕПНЯК И МОРЕ

Всегда как паломников в Мекку,
Нас море влечет по весне.
Что надобно там человеку?
Что ищет он в той стороне?

Веселья, тепла, праздной разности,
Иль забытья от сует,
Или нечаянной радости,
Как яркоглазый рассвет?

Как воздух нужно приключение?
А кто-то романтикой полн,
Иным прописали лечение,
Ионами зыбистых волн.

Мне выпала тоже дорога,
С ковыльных безбрежных степей...
(Наш климат довольно суровый,
Но светлы здесь души людей).

И вот я уже на колесах,
Вагон по-сквозному спешит,
Ковыльные косы белесые
Прощально мне машут с межи.

Мы знаем кавказские дали
давно... Аж со школьной скамьи...
Напиток грузин «Циннандали»,
Знаком и для нашей семьи.

А море далекое, Черное,
Загадкою, кажется, мне.
Представить же нечто подобное,
Нельзя на степной стороне.

Все думал: Какое же море?
Воистину синее, черное?
А может, лежит на просторе,
Как степь моя ровная, вольная?

Но то, что предстало пред взором,
Меня поразило контрастами,
Когда я на поезде скором
Промчался за скалы зубастые,

А море — такое большое!
Не синее. Попросту сивое,
В бескрайнем просторе бушует,
Несет волны с пенною гривой.

Рычит, набегая на скалы,
Без устали, неудержимо...
И где-то девятые валы,
Рождает без потуг. Незримо.

Порою же море — игриво,
Ласкает прибрежный песок,
И плещет на берег лениво,
Лазурные искорки впрок.

Обманчива — эта игривость,
Лукавая та доброта.
Для моря таинственность, скрытность —
Главнейшая, может, черта.

Морские глубины — загадка...
Но жуть-эта бездна воды!
Глобающая без остатка,
Все, что попадет на пути.

ПОЖЕЛАНИЕ ДРУГУ

И день настал держать ответ,
Что сделано за столько лет?
А пройдено совсем немало,
С момента важного начала,
Когда явился ты на свет.

И можно подвести итог,
Припомнить все, что сделать смог...
Но трудно приступить чего-то,
Хоть пролито в достатке пота,
Достигнут зрелости порог.

Видать причина не проста,
Ведь, не за пазухой Христа
Пробыл, провел ты эти годы,
Дитя разумное природы,
Мечтающее жить до ста.

Хоть не написан белый лист,
Но были в жизни дело, риск,
Есть дети — продолжение рода,
Потенциал, своя порода,
С которыми вперед и в высь.

Но многим был ты не по нраву,
Не жаждал власти, только славу
Снискал. Других ценя, любя,
Ты не был обращен в себя,
И не пихал людей в канаву.

Не зря, мой друг, ты жил на свете,
Есть дом, жена, работа, дети,
И нет прочнее ничего,
Чем стены дома твоего,
Где ты встречаешь полстолетие.

Познавший радость и беду,
Но мудро, с совестью в ладу,
Живи счастливо лет до ста,
Пусть не за пахулой Христа,
В тобою созданном саду.

СОВЕТ ЮНОМУ ДРУГУ

Жить,
как придется,
плыть
по течению
безвольно,
беспечно,
не надо.
Пусть
лучше нейма.ся.
ведь,
юность не вечна,
она,
как большая
награда.
Она,
как кредит
на великое,
доброе
дело.
За дело
берись,
не тушуйся:
действуй
решительно,
смело!
Иди,
вперед,
покуда
есть дело,
зовущая
в поиск
дорога.
Не время
для блуда.
Смелее
шагай,
от порога.
Запомни,

что труд —
удел человека
навек.
Но помни,
в пути
встречаются
торные
реки.
Смотри,
там,
вдали
сгущаются
мрачные тучи,
иди,
напролом,
и, знай,
ждет удача
коль труд тебе
добрый
попутчик.
И, верь,
что
твой труд —
частичка
в свершениях века.
Работа
до пота —
удел на земле
человека!

ОБЩЕЕ ДЕЛО

Летел я долго и упорно.
Преодолев и степь, и горы,
И оказался очень скоро
В Туретчине, за Черным морем.

Прошел валяжно по Стамбулу,
А в Анкаре започевал,
Незнание — сводило скулу,
Язык турецкий — мой провал.

А дальше на пути Адана,
Тройной полиции заслон,
Таможни строгие в два плана...
Крутой, скалистый, горный склон.

Вдали маячило Алеппо,
Конечный пункт моих мытарств,
Где безязыкий я нелепо,
Всем впрок кивал с английских братств.

Доклады слушал с умным видом,
И делал вид, что все понял,
Но таяла сомнений льдина —
По адресу ли я попал?

Овез, Уктам — мои коллеги,
Узбекистан, Туркменистан,
Терялись, словно, в лужу сели,
Попав в сплошной английский стан.

И все ж достойно отсидели,
Мы свои долгие часы,
Барьеры все преодолели,
Доклад сглаголив на рус...-си.

Все леди, также джентельмены,
Сглотнули «русиш информейшн»,
И испытали то же, что и мы,
Без переводов на «интернейшнл».

Остались в общем не в обиде,
Они на нас, а мы на них,
В конце концов, мы все, ведь, люди,
И нам хватает дел земных.

Простим разноязыкость нашу,
И к истине шаг устремим,
Ведь встреча наша не для блажи —
Мы озабочены одним.

Объединить научный поиск,
Чтоб в досталь накормить народ,
Пускай разноязыкий поезд,
Идет стремительно вперед.

Стамбул, Анкара — города в Турции.
Адана — город и пограничный пост между Турцией и Сирией
Алеппо — второй по величине город в Сирии.

ГРОЗДЬЯ ГНЕВА

Я все шагал, забыв про отдых...
(Когда-то здесь прошлась война)
Передо мной вся в камнях желтых,
Лежала хмурая земля.

На холмах из того же камня,
Дома роились в тесноте,
Их не коснулось бури пламя,
Войны прошедшей, в годы те,
Когда коварный враг неожиданно,
Всю мощь обрушив в краткий миг,
Торжествовал на поле брани,
И целей собственных достиг.

С тех пор прошли десятилетия,
И мирной жизни пройден круг,
Войны минувшей малым детям,
К рукам давно пришлось плуг.

Но все же как-то дрожь рождает,
Та кладка мощных, желтых глыб,
Что каждый дом здесь возвышает,
Назло врагу, но стройно, в дыб.
Войны дыхание в каждой кладке,
В заборах прочных из камней,
И эта мощь не для порядка,
А для грядущих грозных дней.

Страшись обидчик! Скоро, скоро,
Созреет гнев — не удержать:
За каждым каменным забором,
Растет обиженная рать.

Созреют скоро гроздья гнева,
И час отмщения грядет,
Сей подвиг не осудит небо —
Земля свободу обретет,
До унижения доведенный,

Простить не сможет никогда!
Кто вырос за стеною вольно —
Тот для обидчиков — беда.

Дома, дома. Сплошные камни,
(Предельно укрепленный дот),
Они внушительней с годами,
Как их построивший народ,

Не мирный сруб то деревенский,
К чему уже привычен глаз,
И не степные перелески,
В пути встречались много раз.
Поля за каменным забором,
С рядами стройными олив —
Перрон со скоым эшеленом,
Таков пейзажа был мотив.

Я все шагал, забыв про отдых,
В пыли стояли, зелены,
Навстречу мне вся в желтых камнях,
Плыла сирийская земля.

ПОВЕРЬ, ТОВАРИЩ

Душа моя
открыта всем ветрам,
Как водится,
и сердце нараспашку,
Без жалости
все ценности отдам,
И самую
последнюю рубашку,
Тому, кто рядом,
немощен и сир,
Обижен кем-то
наглым, дутым, сытым...
Порывам добрым
нужен ли кассир,
Коль к доброте
дороги не закрыты?

Примерно так
нам толковали в школе,
лет эдак,
пятьдесят тому назад,
Внимая духу
времени и воли
Мы вписывались четко
в сей уклад,
И выросли
в том русле идеалов,
И в жизнь вошли,
как принято, сполна,
И пусть судьба
не часто баловала,
Но нас несет
тех школьных лет волна.

И пусть теперь
кругом «купи-продай»,
И балом правит
волк в овечьей шкуре,

Товарищ мой,
прошу, не забывай,
Что в мире множится
безверие и горе,
Что так страдает
милый сердцу край,
А обнищавших
с каждым днем все больше,
Товарищ мой,
прошу, не забывай,
О ДОБРОТЕ,
она всего дороже.

Не растерять
нам ценностей тех лет,
И соучастие
у нас в крови,
Так пусть
струится милосердия свет,
И копяся
в нас силы для любви,
И к ближнему,
и к дальнему народу,
Разбросанных
поветрием суверенным,
С намеком
на какую-то свободу,
Но полным
почему-то духом тленным.

Поверь товарищ,
все переживем,
Ведь в нашей жизни
и не то бывало,
А эту кривду
Мы перекуем,
Чтоб полной жизни
положить начало,
Чтобы душа
открытая ветрам,

Не заскорузла,
не заледенела,
Горбушку,
как и прежде, пополам,
С мечтой о лучшем
чтобы сердце пело.

ПЕЧАЛЬНОЕ БЫТИЕ

О СЛЕПОЙ ЛЮБВИ НАРОДНОЙ, ОЧЕНЬ ПЛОДОРодНОЙ

Народ, везде ты одинаково,
Своих вождей боготворишь.
Любовью, как болезнью раковую,
Зачем ты идолов растишь?
Достигнув абсолютной власти,
Тебя он превращает в скот,
И будит низменные страсти,
Чтобы плодился идиот.
Возвысившись над серой массой,
Как Бог и царь себя ведет,
От угнетенных им же классов,
Уже добра совсем не ждет.
От мыслей, что возмездье близко,
Охрану ставит у ворот,
И как врагов в большие списки,
Заносит соблазненный народ.
Дворец за каменной оградой —
Его обычное жилье,
За этой прочною преградой,
Успело свить гнездо жулье.
Чем больше плутовства, тем лучше,
Для приближенных всех мастей,
Тем недовольства тучи гуще,
Сильней кипение страстей
В народе, что вождя когда-то,
Возвел на этот шаткий трон...
Хоть преклонение очень свято,
Устали бить вождю поклон.
Так властвуют вожди повсюду,
До той критической поры,

Когда народ прорвет запруду,
Взяв в руки вилы, топоры.
Вперед прорвется новый лидер,
Используя народа гнев...
О мир, не раз ты это видел,
Вновь превратит он царство в хлев.
Так было вечно, как ни странно,
Опять любовью окружен,
Он повторит судьбу тирана —
Таков влaстительства закон!

ПРИЧИТАНИЯ БАБКИ АНИСЬИ

Боже праведный, куды котимся,
До чего же нас довели?
Хоть с усердием Богу молимся,
Оказались мы на мели.

Оболванили деревенский сход,
Не дают раскрыть нам и рта,
Разбазарили коллективный скот,
Да и хлебушко — дочиста.

Сытный стол в селе хоть с огнем ищи,
Зато выпивки через край,
Без тепла, воды наше жилище,
Для пьянчуг, ворюг — суцний рай.

Раньше пил мужик, самогоночку,
По великим дням, да в тиши.
Иностранную понче водочку,
Потребляет он от души.

И «Смирноффская», и «Петроффская»,
И «Посольская» тут рекой,
Питие было-то господское,
А таперича — хоть в запой.

Безработица на село пришла,
В кои веки-то было так?
А безделие, как воды ушат,
Запродали нас за пустяк.

На полях сорняк буйно празднует,
Заколоченный клуб стоит,
А на комплексах ветер балует,
Нет коровушек — подонть.

Школа, детский сад поразрушены,
Детки вольную жисть ведут,
Классы бывшие запорошены,
Нет дверей, окон там и тут.

Городская жисть проразгульная,
И у нас теперь не в нове,
Наезжает к нам братия вольная,
Темны мыслишки в голове.

Деву скромную, деревенскую,
Садит «крут мужик» в «Мерседес»,
Держит в нумере, как бездомную,
Хоть у самого жинка есть.

Что творится-то, что же деется?
Да, прости нас Бог! Стыд и срам,
Дервенская красна девица,
«Шнапсы тренькает» по утрам.

Размалована, как беспутная,
Ищет долюшку в стороне,
Что за времечко жутко смутное?
Честь-то девичья не в цене.

Тело девичье на потребу тем,
Кто имеет мощь и казну,
Видно, белый свет очумел совсем,
Неужель идет все ко дну?

Боже праведный, куды котимся,
Долго ль нам еще так блудить?
О Всевышний наш, тебе молнмся,
Путеводную дай нам пить.

ПЕЧАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Пролог

Сидел он давно погруженный,
В нелегкие мысли свои,
От мира всего отрешенный,
От шумного центра вдали.
Приметил его я случайно,
В укромном углу, за мостом,
Какая-то жуткая тайна,
Была в его взгляде пустом.

Невольно меня потянуло,
Его затянуть в разговор...
Взглянув неприветливо, хмуро,
Он как бы продлил давний спор.
Протяжно вздохнув, тихо начал
Беседу, верней, монолог,
Надрывно, как-будто бы плача...
И вот той беседы итог.

Разговор о счастье

«Нам счастье встречается редко,
Хоть ноще и рыночный век,
Никто не продаст нам рецепта,
Чтоб им завладел человек,
У счастья ни тела, ни роста,
Хоть лопни, не выражен цвет...
Счастливирик, кто там... на погосте,
Успевший покинуть сей свет,

Кому же так было угодно,
Судьбою людей, поиграть
Открыто, легко и свободно,
Страною своею торговать?

Сложилось все глупо ужасно...
Ах, если б заранее знать,
Что нас беспардонно и властно,

Хотят в этот рынок загнать.
Тогда бы, кто знает? Быть может,
Не дали б Союз разогнать...
Теперь грусть-тоска меня гложет,
Хоть тресни, ядренная мать.

В просторе пустом, суверенном,
Республик, входивших в Союз,
У счастья пределы незримы,
Впрямь, как у аморфных медуз.

Теперь не узрешь улыбок,
Счастливых, как встарь в разворот,
Все меньше следов от зарубок
О дружбе навеки. Народ
Устал от пустых обещаний,
Правителей рангов любых,
И равенство для облищания ---
Удел, как и прежде, простых.

Чем дальше, тем больше уверен —
Тот счастлив, кто раньше почил,
Он может быть очень доволен,
Что в этой разрухе не жил.

Эх, горькая доля мирская,
Тебя до конца не испить,
Ушла та пора золотая,
Когда было радостно жить.
Виновны ли в том коммунисты?
При них я хоть жил-не тужил,
К всеобщему равенству близко,
Я было уже подходил.

И верилось в лучшее завтра,
Работал, аж пела душа,
В обед средь друзей для затравки,
Газеты читал не спеша.

Конечно, рвачи, дармоеды,
Мешали и в те времена,

Но были всеобщими беды,
На всех была радость одна.
А коль приключались несчастья,
На помощь спешил мой сосед,
И в дни неуютa, ненастья,
Давал он мне добрый совет.

Сейчас же убийства, разборки,
В наш быт уже прочно вошли,
Дверные, оконные створки,
Давно из железной брони.

И это уже не спасает,
Убивец-то рядом живет:
Мать — сына, сын — мать убивает...
Звереет, дичает народ.
Безумство, Содом и Гоморра,
Безвременье в нашей стране,
Простая семейная ссора —
И кто-то сгорает в огне.

Чинушу сие не волнует,
Он озабочен другим...
Как ловко он-щельма ворует,
Он целью одной одержим —
Побольше набить бы карманы,
Хрустящим валютным добром,
Чтоб дикого рынка изъяны,
Сторонкой прошли его дом

А бывшие наши партийцы,
Не рядовые. Вожди,
И нынче — вельможные лица,
Для них золотые дожди.
И в свите у них прилипали,
(Прижались, как встарь повелось...
Подлизы в цепе не упали),
У каждого — целая гроздь.

Базарная муть породила,
Дельцов не совсем деловых,

Ведь деньги теперь — это сила,
И даже в делах половых.
Кто ходит теперь в фаворитах?
Бездельник, вчерашний ловкач,
А дом его в мраморных плитах,
Ведь он — узаконенный рвач.

Катается он в иномарке,
И импортной жвачкой плюет,
Чиннуше большие подарки
При всех он открыто сует.

Не знала земля произвола,
Такого, что ноне у нас,
Вранья, безрассудства, прикола...
Не скоро отмоеся грязь.
И в это отвратное время,
Лютует костлявая в рост,
И злое, недоброе семя,
Вовсю размножат. Хаос...

Спасает нашу землю терпение,
Уйдет в небытие беспредел,
И новых людей поколение,
Создаст новой жизни задел.

О счастье мечтается редко,
В наш рыночный, бешеный век,
И нету такого рецепта,
Чтоб им овладел человек.
У счастья ни тела, ни роста,
Хоть тресни, не выражен цвет...
Счастливец лишь тот, на погосте
Успевший покинуть сей свет».

Эпилог

Такая вот грустная повесть,
Печальнее вряд ли сыскать...
Когда заплесневела совесть,
Воинствует злобная рать.

МЫСЛИ ПО ПОВОДУ...

МЫСЛИ ПО ПОВОДУ...

Хорошо судить о том, что знаешь,
Плохо, коль не знаешь, а гадаешь,
От гадания такого толку мало,
Навпротишь в кучу, что попало.

*

Когда душа чиста и руки,
Гласит народная молва,
Дойдут до сердца все слова,
И будут мудрыми поступки.

*

Очень жуткая эта хроника —
Обвинение и разор.
Говорят, грядет экономика,
Вся приватная, капитальная.
Неизвестная до сих пор.

*

Нету газа, нету газа,
Скучный чайник на плите...
Капитальная зараза,
Выедает, как проказа —
Душу, в жуткой суете.

*

Киловатты дорожают,
Цены — это не пустяк,
Видно, амперы рожают
Капитально.

Туго знают —
деньги потекут и так.

*

Белье на вес,
на килограммы,
Вот житуха,
вот пора.
Господа,
а также Дамы,
Набсгайте,
разбирайте,
Это — помощь,
это — благо
С капитального
бугра.

Пишу о любви...

Сон	7
Кто так влюблен	8
Я думал	9
На реке	10
Люблю	11
Плен любви	12
Хочу любить	13
Тебе я верю, ты права	14
Еще не ночь	15
Пройдут снега и холода	16
Невеселые	18
Позвони	20
В разлуке	21

Души порывы...

О влюбчивости поэта	25
Желанный мой	26
А знаешь	26
Сердцу хочется	26
Жду звонка	26
Встречи жди	26
Мне не забыть	26

Не познать любви дороги

О красе земной	31
Стюардесса	33
Весны святая благодать	34
Право любить	35
Прозрение	36
Про рыженькую Катеньку	37
Нам песни вместе не сложить	38
Нет возврата в светлые дали	39

Разные разности

Зов	43
Степняк и море	44
Пожелание другу	46
Совет я ному другу	48
Общес дело	50
Гроздьа гнева	52
Поверь товарищ	54

Печальное бытие

О слепой любви народной, очень плодородной	59
Причитания бабки Анисьи	61
Печальная повесть	63

Мысли по поводу...

Сули о том, что знаешь	69
Душа чиста	69
Хроника	69
Нету газа	69
Киловатты дорожают	69
С капитального бугра	69

Марат Айдарович ҚИНЕЕВ

ДОСТУЧАТЬСЯ ДО СЕРДЦА...

Стихотворения

Издание выходит в авторской редакции.

Сдано в набор 9.03.98 г. Подписано в печать 31.03.98 г.
Высокая печать. Гарнитура литературная. Бумага писчая № 1.
Формат 60×84^{1/16}. Объем 4,75 уч.-изд. л.

Тираж 300. Зак. 300.

Типография РГПЭО Аппарата Правительства Республики Казахстан.
480064. г. Алматы, ул. Чайковского, 202